

Внастоящий воскресный день, други, Св. Православная Церковь, вспоминая св. Отцев I Вселенского собора, утвердивших истинное учение о божественности Сына Божия, о единосутии Сына с Богом Отцом против еретика Ария, установила читать сегодня Евангелие, в котором содержится первосвященническая молитва Иисуса Христа Богу Отцу Своему пред Своими страданиями. Этою молитвою Иисус Христос уверил в Своем Божественном посланничестве, говоря, что слова и повеления Его суть слова и повеления Его Небесного Отца, от Которого Он исшел, Который послал Его и к Которому после земной жизни Он должен возвратиться. Вместе с тем этою молитвою Иисус Христос прославлял, благодарил и умолял Своего Небесного Отца, чтобы научить нас, во-первых, что и мы, полные благоговения, должны в молитве прославлять Всевышнего, видя великие и чудные дела, которые Он совершил Своим всемогуществом; во-вторых, что и мы, полные любви и признательности, должны в молитве благодарить Всеблагое за такие блага, которые Он изливает на каждого из нас; и, в-третьих, что и мы, полные веры и надежды, в своей молитве должны умолять Премудрого и Всемилосердного, чтобы Своею Божественною благодатью Он укрепил, просветил и сохранил нас. «Я прославил Тебя на земле, совершил дело, которое Ты поручил Мне исполнить» (Ин.17:4), — говорил в Своей молитве Иисус Христос. Вся земная жизнь Его, от Вифлеема до Голгофы, была посвящена прославлению Отца Небесного. Все, что Он сделал, чему учил и что терпел, — все совершал с мыслию о Боге и во Славу Божию.

Спаситель, други, наш образец во всем, последуем Ему! Все наши дела и предприятия должны быть совершаемы нами с мыслию о Боге и для славы Божией. Во всем, что мы делаем и предпринимаем, мысль о Боге должна быть господствующей в нашей душе пред всеми другими мыслями. Эта мысль должна быть светом, озаряющим наш ум к познанию и избранию лучшего дела — силою, побуждающей к сообразной с долгом деятельности, — источником надежды и мужества, если мы вынуждены бываем бороться с препятствиями, трудностями, опасностями и страданиями. Тогда мысль эта будет наполнять нас при всех наших делах благодарением к Всеведущему и Всеправедному Богу, любовью к Его закону, упованием на Его помощь и благословение.

Но не думайте, что душа наша, кроме этой мысли, не должна заниматься ничем другим, не должна заботиться об обязанностях звания и прочих потребностях жизни; не думайте, что вы должны только молиться и совершенно оставить всякие земные нужды. Нет, мысль о Боге должна быть только присуще вашему сердцу и, при всех ваших трудах и занятиях, постоянно напоминать вам о Всеведущем и Всемогущем Боге. Оно должно обитать в вас, как дух хранитель, оберегающий вас от всякого зла и направляющий на путь добродетели и долга. Так поступал Господь наш Иисус Христос. Все дела Свои Он совершал во славу Божию. В продолжение всей жизни Им постоянно руководила мысль о Боге, исполнение воли Которого было пищею и питием. Так поступали и святые люди.

Некогда к старцу Лукию пришли иноки, так называемые евхаиты или молитвенники. (Это были последователи одной секты, которая отвергала все добродетели, даже силу Таинств, в рассуждении нашего спасения, и всю важность приписывала одним молитвам). «Каким занимаетесь рукоделием?» — спросил у них Лукий. — «Мы не занимаемся работою рук, — отвечали, — но, по заповеди Апостола, непрестанно молимся». — «А едите?» — опять спросил старец. — «Едим», — отвечали они. — «Итак, когда едите, кто за вас молится?» — возразил Лукий. Сверх того, спите ли вы?» — «Как же можно не спать?» — сказали евхаиты. — «Итак, когда спите, кто за вас тогда молится?» — опять тогда возразил старец. Пришельцы не могли дать никакого ответа. Тогда преп. Лукий сказал им: «Простите мою откровенность: вы сами себе противоречите. Я, напротив того, докажу вам, что и занимаясь рукоделием, молюсь непрестанно. Например, плету из камыша корзины и читаю: Помилуй мя, Боже,

по велицей милости Твоей, и по множеству щедрот Твоих очисти Беззаконие мое... Не молитва ли это?» — «Конечно», — отвечали иноки. — «Таким образом, проводив в труде и молитве весь день, — продолжал старец, — я вырабатываю несколько денег, половину из них отдаю нищим, а другую употребляю на свои необходимости. Когда же ем или сплю, тогда молятся за меня приемшии милостыню. Не видите ли что я, с помощью Божией, исполняю правило Апостола и молюсь непрестанно?» (Училище благочестия).

Будем, други, совершать все наши дела с Богом. Мысль о Нем, любовь к Нему, упование на Него пусть проникают и оживляют нашу душу, чтобы мы ничего другого не желали делать, как только то, что Он заповедует, и чтобы нам можно было, на закате дней наших, подобно Спасителю, сказать: «Я прославил Тебя на земле, совершил дело, которое Ты поручил Мне исполнить» (Ин.17:4).

Праведный Алексей Мечев

ИГОРЬ СЕВЕРЯНИН "ВЕСЕННИЙ ДЕНЬ"

Весенний день горяч и золот, —
Весь город солнцем ослеплён!
Я снова — я: я снова молод!
Я снова весел и влюблён!

Душа поёт и рвётся в поле,
Я всех чужих зову на «ты»...
Какой простор! Какая воля!
Какие песни и цветы!

Скорей бы — в бричке по ухабам!
Скорей бы — в юные луга!
Смотреть в лицо румяным бабам,
Как друга, целовать врага!

Шумите, вешние дубравы!
Расти, трава! Цвети, сирень!
Виновных нет: все люди правы
В такой благословенный день!

Другое направление «высокой критики» – реконструкция истории самого библейского текста. Первым шагом здесь стал т.н. анализ источников. В самом деле, у библейских авторов были свои источники, прежде всего, устные предания – например, евангелист Лука ясно указывает, что прежде, чем написать этот текст, он тщательно их исследовал (Лк 1:3). Мы ясно видим и в Ветхом Завете, что авторы исторических книг Царств ссылаются на не дошедшие до нас «книгу Праведного» (Ис Нав 10:13; 2Цар 1:18) и «летописи царей» (3Цар 14:19, 29 и др.).

Впрочем, первым материалом для анализа источников стал корпус текстов, который ни на что не ссылается, а именно, Пятикнижие. Этот центральный для Ветхого Завета сборник текстов явно неоднороден, полон повторов и параллельных повествований, так что вывод о его «нелинейном» происхождении напрашивался сам собой. Первым догадку о том, что Пятикнижие не писал целиком один Моисей (хотя бы уже потому, что 34-я глава Второзакония описывает его смерть), высказал еще в XII в. иудейский экзегет Ибн-Эзра, но вплоть до Нового времени подобные предположение не вели ни к какой научной теории. Лишь в начале XVIII в. Х.Б. Виттер, а затем, в середине века, независимо от него Ж. Астрюк предложили выделить в Пятикнижии различные источники в зависимости от того, как называется в тексте Творец.

«Авторы» этих источников получили условные имена (хотя, конечно, тут разумнее говорить о некоторой традиции, чем об индивидуальном авторстве): Элохист, называвший Творца Богом (на древнееврейском Элохим), и Яхвист, который предпочитал более полное именование – Господь Бог (слово, которое у нас переводится как «Господь», а на древнееврейском языке могло звучать как Яхве). Позднее к этим двум источникам были добавлены еще два: Второзаконие и т.н. Священнический кодекс. В классический вид эту «теорию четырех источников» привел в последней четверти XIX в. Ю. Велльгаузен.

В отношении Нового Завета исследования источников казались особенно многообещающими: ведь Матфей, Марк и Лука (эти три Евангелия называют синоптическими) совершенно точно пользовались общими источниками. Поэтому в 1924 г. Б.Х. Стритер предложил такую теорию: первым было написано самое краткое Евангелие, от Марка, а затем Матфей и Лука воспользовались этим материалом для своих произведений. В то же время у них явно был и некоторый дополнительный материал, который вошел в эти два Евангелия, но отсутствует у Марка. Этот материал принято обозначать буквой Q (от нем. Quelle, «источник»). Впрочем, существуют и другие взгляды на происхождение синоптических Евангелий.

Однако такие теории выглядят слишком прямолинейно, как будто составитель Пятикнижия работал с документами примерно так, как работает современный редактор. Поэтому в дальнейшем ученые предпочли говорить не об источниках, а о традициях, которые не были зафиксированы в пись-

ЧТО ТАКОЕ «БИБЛЕЙСКАЯ КРИТИКА»?

менном виде, а скорее, представляли собой коллективную память общины о своем прошлом и о значимых для нее идеях. Реконструкция таких преданий стала основной задачей для анализа традиций.

Но ведь и эти традиции не были слепо скопированы авторами библейских книг – каждый из них отбирал одно и оставлял в стороне другое. Обратив внимание на выбор составителя книги, мы можем лучше понять его замысел и взгляды – этим и занимается анализ редакций. Здесь в центре внимания лежит уже не исторический факт, а сам текст, точнее – история его возникновения и позиция его составителя. Например, мы ясно видим, что Лука, в отличие от Марка, избегает говорить о скором и всем очевидном пришествии Христа во славе, ср. слова Христа, обращенные к первосвященнику: «вы узрите Сына Человеческого, сидящего одесную Силы и грядущего на облаках небесных» (Мк 14:62) и «отныне Сын Человеческий воссядет одесную силы Божией» (Лк 22:69). Вероятно, Лука, который явно писал после Марка, не ожидал, что Второе Пришествие произойдет в самом ближайшем будущем, так, что члены тогдашнего Синедриона будут его непосредственными свидетелями. Это может отражать некоторое изменение в восприятии Второго Пришествия первыми христианами в целом: из события «завтрашнего дня» оно постепенно отодвигалось в менее определенное будущее.

Существуют, конечно, и другие направления библейской критики, которые мы просто не будем здесь перечислять из-за недостатка места.

КРИТИКА КРИТИКИ

Естественно, что радикальная библейская критика, столь многое отвергнувшая в традиционном подходе к Писанию, сама стала объектом критики. Своеобразным «отрицанием отрицания» стал фундаментализм – течение, зародившееся на рубеже XIX – XX вв. в США. Его сторонники настаивали на некоторых фундаментальных истинах христианской веры: девственном рождении Христа, Его телесном воскресении, достоверности сотворенных Им чудес. В принципе, это нормальная для любого христианина позиция. Но самым своеобразным элементом в современном фундаментализме, пожалуй, является принцип буквальной непогрешимости Писания (мы уже рассуждали о нем во 2-й главе): поскольку оно есть Слово Божие, то каждое его высказывание истинно в прямом и непосредственном смысле. Эта позиция тоже кажется традиционной, но на самом деле она таковой не является, ведь для раннехристианских и средневековых толкователей Библии аллегорический и иные не прямые смыслы Писания имели ценность никак не меньшую, а обычно даже и большую, чем смысл буквальный. Фундаментализм, напротив, настаивает на безусловном первенстве и непогрешимости именно букв Писания, которую отцы Церкви нередко оставляли в стороне.

Но оспаривать выводы и методы библейской критики можно и с других позиций.

Классическая библейская критика сосредотачивается на истории текста, ставит своей целью реконструкцию его изначального состояния. Но допустим, что некий исследователь творчества Пушкина или Шекспира займется изучением источников, которыми пользовался поэт, анализом его ранних черновиков, сравнением редакций – и при этом полностью упустит из виду конечное произведение! Разве не потеряет такой исследователь лес за деревьями?

Один из виднейших специалистов в области ветхозаветной текстологии, Д. Бартелеми, прекрасно знакомый со сложной историей библейского текста ученый и вместе с тем католический монах, написал об этом так: «Одни книги были потеряны, другие основательно переработаны. Однако именно в таком виде дошло до нас слово Божие. И такова воля Святого Духа, чтобы мы получили ее в таком виде; критические исследования помогают нам понять процесс ее изменения, однако цель этих исследований совсем не в том, чтобы заменить нашу Библию ее самой ранней версией. Мы должны принять, что Библия, унаследованная первохристианами, – вполне сложившееся произведение, обладающее внутренним единством, и по вдохновению Святого Духа и под Его водительством она достигла такой зрелости, что составила священную библиотеку народов Нового и Вечного Завета».

В заключение стоит привести цитату из речи православного ученого А.В. Карташева, произнесенной 1944 г. в Париже. Несмотря на свой солидный возраст, она не утратила актуальности: «Для работы нашего научного разума рядом с этим восприятием на веру догматического учения, содержащегося в священных книгах, остается еще огромное поле деятельности, – такое же, как при изучении любых литературных памятников древности. Ибо Библия физически живет, как и другие книги, подвергаясь всем превратностям книжной судьбы особенно за долгие тысячелетия их рукописного существования... Новая библейская наука, работая историко-критическим методом... ставит на очередь пред православными богословами все новые и постоянно меняющиеся задачи сочетания в каждом отдельном случае типологического смысла данного места Писания с заново уясняемой его буквой».

Библейская критика в том виде, в каком она еще существовала, когда произносилась эта речь, давно уже перестала быть современной и актуальной. Но вызов со стороны современной философии и гуманитарной науки по-прежнему существует, и исследователю Писания предстоит так или иначе на него отвечать. Нелепо было бы гоняться за новейшей модой, а равно и слепо отрицать всё, что не принадлежит непосредственно отцам Церкви.

Сложный конгломерат методов и идей, который привычно называется «библейской критикой» и который, при всей своей ограниченности и тенденциозности, предшествовал современной библеистике и во многом определил ее нынешний облик. А какова именно эта библеистика – об этом мы вкратце поговорим в 15-й главе.

Андрей Десницкий

"Тело Христово примите..."

Литургия стоит в центре христианства, а в центре литургии – «Агнец, закланный от создания мира» (Откр. 13:8), или, как в другом месте сказано, «предназначенный еще прежде создания мира» (1Пет. 1:20). Конечно, эти слова непостижимы, но пройти мимо них мы не можем. Тайна христианства начинается с вопроса о его начале. «Он [Бог] столько познается нами, – пишет преп. Симеон Новый Богослов, – сколько может кто увидеть безбрежного моря, стоя на краю его ночью с малою в руках зажженной свечою». Это даже для разума, уже просвещаемого благодатью. Но трудность постижения божественного мира не дает нам основания для отрицания того, чего мы не постигаем или не хотим постичь. «Если будем все измерять своим разумением, – пишет Василий Великий, – и предполагать, что непостижимое для рассудка вовсе не существует, то погибнет награда веры. За что же еще нам стать достойными блаженств, какие сообщаются для нас под условием веры в Невидимое, если верим тому только, что очевидно для рассудка?». Рассудочная вера – это вера не апостольская, а все та же кантовская «религия в границах одного только разума», для которой все понятно или же должно быть понятно и которая старается в наше время создать веру, приспособленную к неверию, христианство, в общем не возражающее против не-христианства.

Многие святые начиная с I века ощущали божественную предысторию христианства. «Сие имя спасительное – Иисус – прежде всех веков в Троическом совете было подготовлено. Сила имени Иисусова в Совете Предвечном, как в сосуде, была сокрываема», – пишет св. Димитрий Ростовский. «Прежде солнца пребывает имя Его», – возглашает церковнослужитель во время чтения Апостола на Благовещение, т. е. именно в тот день, когда поется: «Совет пречечный открывая, Тебе, Отроковице» (стихира на «Господи воззвах»), когда воспоминается принесение человеческого имени Иисуса с неба Ангелом пречистой Деве (Лк. 1:31).

Говоря об определении Церкви апостолом Павлом как о «великой благочестия тайне» (1Тим. 3:16), которая в том, что «Бог явился во плоти» (там же) и этой плотью – телом Божиим – сделалась Церковь, еп. Феофан Затворник пишет: «Сущность веры нашей сокровенна и по причине непостижимости ее действия в нас. Зародилась она («тайна благочестия») в тайне Троицы Божией, таиную, сокровенную, которую предназначил Бог прежде веков к славе нашей» (1Кор. 2:7), можно в нее действительно поверить. Поверить в нее нам дано не как в человеческую организацию, а только как в Богочеловеческое Существо, имеющее своим началом Божественную до-временность.

Но Церковь прежде всего или больше всего – это литургия. Поэтому «литургия вечна. Агнец заклан в недрах Святой Троицы» (архимандрит Киприан).

Все священнодействие [литургии], – пишет митрополит Солунский Николай

Кавасила (XIV век), – есть как бы один образ Единого Тела и Царства Спасителя (т. е. Церкви)... Церковь указывается Тайнами не как символами, но как сердцем указуются члены (тела), как корнем дерева – отрасли и, как сказал Господь, как виноградной лозой – ветви, ибо здесь не одинаковость только имени и не сходство подобия, но тождество дела, так как Тайны суть Тело и Кровь Христа». Он же пишет: «Если бы кто мог увидеть Церковь Христову в том самом виде, как она соединена со Христом и участвует в плоти Его, то увидел бы ее не чем иным, как только Телом Господним». А литургию так определяет св. Игнатий Богоносец: «Евхаристия есть плоть Спасителя нашего Иисуса Христа, которая пострадала за наши грехи». Церковь – в том, что «Бог явился во плоти», в страдающем человеческом теле, Церковь – это воплощение Бога. Бог, не оставляя Своего Божественного естества, вошел в мир, в естество человеческое. С этого началось христианство в истории, и вся его суть – в подражании ему, этому выходению Бога, но лишь в обратном направлении: Бог сходит с неба на землю, делается человеком; человек в христианстве выходит навстречу своему Богу – из своего человеческого, «слишком человеческого» естества выходит в мир Божественный. «Бог стал человеком, чтобы человек стал богом», – это обычная и постоянная формула святых.

Святые учат, что есть три состояния человека: естественное, противоестественное, или греховное, и сверхъестественное, или духовное. Христианин прежде всего борется с грехом, который тянет его в бездну ниже его естества. Противоестествен для человека только грех. Говоря о сверхъестественном, Церковь утверждает, что сверхъестественное не противоестественно, а только превосходит или идет дальше естественного. И христианство – это не только борьба с противоестественностью греха, но и призыв к преодолению земной «естественности», к выходу «за естество», к «преестественному». По «естеству» нам, в общем, хочется только есть, пить, спать и развлекаться. А христианство зовет к новому рождению во Святом Духе, к рождению не аллегорическому, а очень болезненному. «Женщина, когда рождает, терпит скорбь» (Ин. 16:21), – сказано в Евангелии. И в другом месте: «Она...

кричала от боли и мук рождения» (Откр. 12:2). Только любовь к Богу дает силы и радость идти на них. Это есть рождение в таинственную для нас духовность, и это есть то самое, что так отпугивает людей. «Надо родиться свыше» (Ин. 3:3), – сказал Христос Никодиму, и Никодим ужаснулся этих слов. Праведник и законник, он сразу понял, что разговор идет не только о борьбе с грехом. И кто хоть в малейшей степени не совершает этого перехода в сверхъестество, тот еще не начал христианства. Но это внутреннее преодоление естества, – преодоление, на котором стоит весь христианский подвиг, т. е. вся обыденность христианской жизни, есть всего только «солнце в малой капле вод». Все христианство – в первоисточной сверхъестественности Боговоплощения. «Побеждаются естества уставы в Тебе, Дево чистая, девствует бо рождество и живот предобручает смерть», – поет Церковь на Успение Девы и Матери (песнь 9 канона).

«Побеждаются естества уставы» и в современном начале Церкви. И, так же как нам непонятно вочеловечение Бога, нам «непонятна» и Церковь. «Плоть и кровь» не может дать знания и веры о Церкви, – пишет Д. Хилков, – совершенно подобно тому, как некогда «кровь и плоть» не могла дать знания того, что плотник из Назарета – «Сын Бога Живаго». Место Евангелия, где дано откровение о Церкви (см.: Мф. 16), мы мало замечаем. Оказывается, что все это откровение о Церкви было дано только тогда, когда как бы открылось, что человек может жить не только в своем естестве: «блажен ты, Симон, сын Ионин, потому что не плоть и кровь открыли тебе это (тайну Боговоплощения. – С. Ф.), но Отец Мой, Сущий на небесах; и я говорю тебе: ты – Петр, и на сем камне Я создам Церковь Мою, и врата ада не одолеют ее» (Мф. 16:17, 18).

«Побеждаются естества уставы» и в Евхаристии. «Приобщение ко Христу в Таинстве святой Евхаристии есть источник всякой духовной радости», – пишет священник Павел Флоренский. «Таинство – это божественный акт приобщения к высшей жизни». «Как при земной жизни Христа приобщение к высшей жизни совершалось при посредстве человеческого естества Спасителя, так точно ныне видимое приобщение к этой жизни совершается при посредстве видимого и осязаемого человеческого естества Тела Христова».

И если Церковь непостижима для нас predetermined в Совете Божиим еще тогда, когда не было мира, то тем самым и средоточие ее – литургия. «Совершение животворящих Тайн, – пишет протоиерей Иоанн Кронштадтский, – есть... соизволение Животворящей Троицы, от сложения мира predetermined». Вот почему мы ощущаем так ясно блаженную и любящую вечность, теплоту, как материнское лоно, больше всего на литургии. Вот почему на литургии мы дышим воздухом совсем иного мира.

«Тварь, – по слову Апостола, – еще страдает и мучается» (Рим. 8:22), но семья бессмертия уже укано в мир и верующие, стоящие на литургии, уже знают, что «погложена смерть победою» (1Кор. 15:54).

С.И. Фудель

Расписание богослужений с 21 по 27 мая 2018 г.		
21 мая Понедельник	АПОСТОЛА И ЕВАНГЕЛИСТА ИОА́ННА БОГОСЛÓВА	8:30 Утренняя (полиелей). Часы. Исповедь. Литургия <i>/иерей Александр/</i>
22 мая Вторник	ПЕРЕНОСЕНИЕ МОЩЕЙ СЯТИТЕЛЯ И ЧУДОТВОРЦА НИКОЛА́Я ИЗ МИР ЛИКЬИ́СКИХ В БАР	8:30 Утренняя (полиелей). Часы. Исповедь. Литургия <i>/иерей Александр/</i>
23 мая Среда	Апостола Сýмона Зилóта	
24 мая Четверг	РАВНОАПП. МЕФÓДИЯ И КИРÍЛЛА, УЧÍТЕЛЕЙ СЛОВÉНСКИХ	8:30 Утренняя (полиелей). Часы. Исповедь. Литургия <i>/иерей Андрей/</i>
25 мая Пятница	ОТДАНИЕ ПРАЗДНИКА ВОЗНЕСЕНИЯ ГОСПОДНЯ. ПРОСЛАВЛЕНИЕ СЩМЧ. ЕРМОГÉНА, ПАТРИАРХА МОСКОВСКОГО И ВСЕЯ РОССИИ, ЧУДОТВОРЦА	8:30 Утренняя (полиелей). Часы. Исповедь. Литургия <i>/иерей Андрей/</i> 17:00 Вечерня. Утренняя. 1 час <i>/иерей Андрей/</i>
26 мая Суббота	ТРОИЦКАЯ РОДИТЕЛЬСКАЯ СУББОТА	8:30 Часы. Исповедь. Литургия. Панихида <i>/иерей Андрей/</i> 17:00 Всенощное бдение <i>/все священнослужители/</i>
27 мая Воскресенье	ДЕНЬ СЯТОЙ ТРÓИЦЫ. ПЯТИДЕСЯ́ТНИЦА	8:30 Часы. Исповедь. Божественная литургия свт. Иоанна Златоуста <i>/все священнослужители/</i>

СВ. ФЕОФАН ЗАГВОРНИК

ЧТО МОЖЕТ ОЖИВИТЬ ЧЕЛОВЕКА?

Сколько лет слышим Евангелие, и утешительные глаголы его проносятся у нас поверх головы. Даст же, наконец, Бог иному минутку, когда оно услышится его сердцем. Тогда, вошедши внутрь, оно производит там свое дивное, разрушительно-созидательное дело, сущность которого – истинная жизнь. А дотоле что? Дотоле имеем только вид, что живы, а между тем мертвы, мертвы. Не строго ли? Войди и виждь.

В ЧЕМ СУЩНОСТЬ ХРИСТИАНСТВА?

Говорят, в любви. Нет, подождите. Любовь – сад цветочный и плодородный. Надо прежде всего очистить землю, взорать, посеять и потом уже возрастить. Что сказал Господь о Своем пришествии? Зачем пришел Он? Взыскать и спасти погибшее. А взысканные как спасаются? Отлагают ветхое и облекаются в новое. Прежде надо совлечься, сбросить и отбросить всю ветшь страстей и грехов, потом из этого выродится и новенькое. Приходит страх Божий и рождает покаяние, покаяние приводит к трудам добродетели, из них уже возрождается любовь. Святый Исаак Сирианин говорит так: «Как невозможно переплыть большое море без корабля и ладьи, так никто не может без страха достигнуть любви. Смердяное море между нами и мысленным раем можем перейти только на ладье покаяния, на которой есть гребцы страха. Но если сии гребцы страха не правят кораблем покаяния, на котором по морю мира сего приходим к Богу, то утопаем в сем смердяном море. Покаяние есть корабль, а страх – его кормчий, лю-

бовь же – Божественная пристань. Поэтому страх вводит нас в корабль покаяния, перевозит по смердяному морю жизни и путеводствует к Божественной пристани, которая есть любовь. К сей пристани приходят все труждающиеся и обремененные покаянием» (слово 83).

УМ ПРАВОСЛАВНЫЙ И УМ НЕМЕЦКИЙ

Какой ум православный и какой немецкий? Ум православный не умничают, а только изучает и усваивает готовую, данную ему Святою Церковию истину, приемля ее с полною покорностью и благочестием, боясь прибавить или убавить йоту какую-нибудь из начертанного уже образа исповедания веры.

Ум немецкий только умничают, у него нет нормы веры, и он все ищет ее; не изучать берется он веру, а изобретать и построивать, и даже построивши, не успокоивается раз навсегда, а еще ищет, еще ищет, не удовлетворяясь найденным. Как у драчуна руки чешутся, а у говоруна язык, так у немца чешется мозг и не дает ему покоя. Дух новизны и непрестанного поновления составляет существо немецкого ума. Православный же ум, изучив и усвоив истину, почивает в ней и наслаждается созерцанием ее божественного лика.

Как узнать – в каких писаниях ум немецкий и в каких ум православный?

Коль скоро где строится теория или воззрение и потом подгоняются под них места Писания (об отеческих уже не говорим), то тут немецкая замашка, готовность подчинять Божеское человеческому. Далее – где нет простоты мысли и слова, а какие-то мудреные сплетения речений и понятий, так что ума не приложишь, о чем идет дело, то знайте, что здесь немецкий склад ума, не предвещающий ничего доброго. Истина православная проста, ясна, понятна даже для детей.

Кто понимает ее и приемлет сердцем, тот говорит всегда просто, без хитросплетений умственных и словесных. Немецкий склад ума и слова крючкотворный, темный, запутанный. Со стороны поглядеть – немецкий ум как будто углубляется, а на самом деле ходит по верхам и околицей, не касаясь самого существа истины. Православный же ум признает истину в ее сущности и без всяких околичностей.

Зачем же после этого льнут к немцам? Один затем, что ему слишком надоели католики, особенно иезуиты; другой потому, что немцы кажутся ему поласковей. Почему бы не оставаться с своим Православием? Наскучило, вишь: все одно и то же, застой; хочется самим проветриться и другим сквозного ветерка подпустить. Шутка ли в самом деле – тысячу лет стоит неподвижно это Православие в одной России, а у греков спокойн веку оно все одно и то же! Притом, оно такое тяжелое на подъем в образе исследования, такое неудобноносимое в предлагаемом им порядке жизни. По-православному ни одной статьи не напишешь, не роаясь в фолиантах, а по-немецки – были бы перо и чернила – садись и пиши. Чем смелее, тем лучше, а где не хватит толку, набери слов помудренее, да и скомкай их как-нибудь, чтоб казалось в итоге: «дескать, что и требовалось доказать».

Безопасно ли богословствовать по-немецки? Нет, того гляди, что попадешь под клятвы, положенные на своеумников соборами. Шестого собора 19-е правило гласит, что Божественное Откровение должно быть изъясняемо не иначе, как по изложению учителей Церкви, и довольствоваться ими более, чем составлением своих собственных толкований, из опасения уклониться от истины. Следовательно, если кто вносит в область Божественной истины свое личное мудрование, тот подвергается клятве, изреченной вообще на несоблюдающих соборные определения.